

Н а этой земле я живу, можно сказать, случайно. В 1943 году в селе, где я родился, произошла страшная трагедия. О ней мое Верхнее Турово помнит до сих пор. Покидая село под напором наших войск, фашисты в безумной и бессильной злобе облили бензином и забросали гранатами подвал, в котором спасались от бомбежки дети. Родители привели их сюда, спрятали от огненного кошмара. А самим родителям места в тесном подвале не хватило. Недавно я вновь прочитал об этой трагедии в документах о зверствах гитлеровцев на территории Воронежской области. Прочитал с особым чувством, с особой болью. Ведь в том подвале всего за каких-то две-три минуты до трагедии был я сам — верхнетуровский мальчишка, которому не сравнялось и четырех. Под бомбами мать унесла, увела нас с десятилетним братом из того подвала домой: «Погибать — так вместе...»

Такую кровавую точку поставили фашисты на оккупации села.

И вот многих моих сверстников, еще не узнавших жизни, — нет. А я живу. И за себя, и за них.

Помню, как наша соседка, молодая еще женщина, переехавшая после войны

куда-то в Подмоскowie, в редкие свои приезды в Верхнее Турово, к родственникам, сталкиваясь со мной, уже повзрослевшим, пристально на меня смотрела. И в глазах ее всегда были слезы. Дочка соседки, моя ровесница, осталась в том подвале. Не вернулся с войны и муж.

Каждый из нас за кого-то живет, кому-то обязан жизнью.

На 71-м километре автомагистрали Воронеж — Курск стоит памятник артиллеристу Николаю Загорскому. В течение нескольких часов он — в одиночку — прикрывал метким огнем отступление наших войск. Здесь и погиб. Немцы рвались со стороны Нижнедевица на Воронеж, рядом была Вязноватка, а через каких-то восемь километров — Верхнее Турово. Но пришлось остановиться. На несколько часов. Скольких моих земляков спасли эти часы? Сколько из них за эти часы успело эвакуироваться? Кто скажет...

Мы эвакуироваться не успели. Село наше тянется на несколько километров. На дальней его окраине есть лесок. Называется он почему-то Гнилой. Рядом, на опушке, — несколько домиков. В далеком военном году, когда к селу подходили захватчики, мать, взяв брата за руку, посадив меня верхом на кормилицу-корову, тоже пыталась вместе с другими односельчанами уйти из села. Дошли мы только до Гнилого. Здесь нас догнали немецкие танки. Вернулись в Турово, в свою ветхую хатенку.

Когда бываю в селе, то всегда вспоминаю рассказы мамы об этой «эвакуации».

В дни оккупации села матери было всего тридцать лет. Первая седина появилась у нее, наверное, уже тогда. Да и как не появиться? По сельской улице бежала немецкая овчарка. Чему учили фашисты собаку на войне? Тому же, что и солдата: ненависти ко всему живому. Бежала овчарка — и набрасывалась на всех подряд: и на людей, и на животных. Покусала несколько человек, а заодно — и коров, и собак. Покусала и моего брата. Овчарка оказалась зараженной бешенством. Медицинская помощь в оккупированном селе — об этом даже смешно говорить. Один за другим умирали люди от этих укусов — и взрослые, и дети. Пали и коровы, и собаки. Как выдержало все это сердце матери? Как не разорвалось от ожидания самого страшного? Но все обошлось: остался брат живым. Единственный из всех пострадавших.

Жили впроголодь. Уже после освобождения села воинская часть, в которой служил отец, оказалась поблизости от воронежских мест. На считанные часы ему удалось вырваться, чтобы встретиться с нами. Провожая, мать усадила его за стол. Сварила пару яиц — а что еще она могла приготовить? Только поднес отец ко рту это нехитрое «блюдо», как я, несмышленый, глотая слюнки, брякнул: «А я шкурку съем...» Расплакался отец и отдал мне это яйцо. Стыдно мне до сих пор за эту детскую несдержанность — да у кого попросить прощения?

Как же вы нас вынянчили, как выкормили, родные наши матери? Недосыпали, недоедали — это без слов понятно. И так банально звучит. Откуда же вы силы черпали?

Когда почтительно говорят: «Участник войны», — то я никак не могу взять в толк: а они, женщины, наши матери, — разве они не участницы той войны? Это они-то не участницы — те, кто растил своих детей, а значит — будущее России? Те, кто стоял у заводских станков, открыв, по сути дела, «второй фронт»? Те, кто тащил на своих плечах тяжелые плуги, вспахивая российские поля? Они и сегодня не требуют никаких льгот, никаких привилегий. Да и какие там льготы особые,

какие привилегии у участника войны? Не обидеть бы словом, не огорчить равнодушием...

...Возмездие неукротимо приближалось. Успешное выполнение Россошанско-Острогожской операции привело к тому, что на важном стратегическом направлении Воронеж — Касторная немцы оказались в глубоком «мешке». 24 января 1943 года ударом войск 40-й армии началась новая военная операция советских войск — Воронежско-Касторненская. Верхнее Турово оказалось в самом центре событий. Близость железной дороги, проходящая через село автомобильная дорога на Курск делали село заметным стратегическим объектом.

Сто двенадцать воинов погибли в бою за село. Их последним домом стала братская могила в центре Верхнего Турова. На обелиске — фамилии, фамилии... Инициалы многих погибших неизвестны. Откуда вы, рядовые Шаркидзанов М., Амеджанов С., Ирашев Ш., Нуриев С.И.? Из каких татарских или башкирских сел и городов? А может быть, из Таджикистана или Узбекистана, разделенных ныне с Россией таможнями и пограничными постами? Положили вы головы не за родной Канаш или Куляб, а за мое Верхнее Турово, о котором наверняка ничего не знали, уходя на фронт. Из каких украинских или белорусских селений вы, лейтенант Ченчик И.Р., Шалик М.А., рядовые Капервас Н.И., Каблаш А.Н., Панигор С.М., Здор С.А.? Кто ты, рядовой Розенбаум? И как тебя звали? Львом? Михаилом? Видно, не успел ты даже познакомиться с однополчанами, если некому было вспомнить твои инициалы... А вы, старший лейтенант Семенов Н.Ф. и младший сержант Сергеев П.Н., рядовые Миронов и Маслов С.Е., Сафонов С.Н., Савин С.Е., Плотников А.С., — в каких калужских или рязанских местах вы рождены к жизни, чтобы смерть настигла вас на подступах к воронежскому селу? Военные фельдшеры Паков И.В., Сорокин Н.М., — скольких вы спасли в этом бою ценою собственных жизней? А ты, рядовой Рыкунова Л.Л., — ведь была ты, женщина, рождена для любви и счастья. А вышло — для гибели...

Погибали не только при освобождении села. Уже после войны западногерманский военный историк и бывший командующий армией Курт Типпельскирх в своей статье «Оперативные решения командования» скажет, что решающего успеха на юге немцы не добились именно из-за неудач под Воронежем. Здесь они еще раз столкнулись с негибимым духом русского человека. Вот лишь один пример этой негибимости. В октябре 1942 года в районе нашего села при выполнении задания был сбит советский самолет. Экипаж состоял из пяти человек. Двое из них попали в плен, троим же поначалу удалось уйти. Они скрывались в скирде соломы в Верхнем Турове. Но гитлеровцы обнаружили их, потребовали сдаться. В ответ летчики открыли огонь из пистолета. Тогда немцы подожгли солому. Но, превратившись в огненные факелы, летчики все же не сдались. Крестьяне, свидетели происшедшего, похоронили героев в поле у оврага. А их имена стали известны только после войны. Это были штурман старший сержант А.С. Антипов, стрелок-радист старший сержант В.В. Атапин, воздушный стрелок М.В. Ступин.

А тем временем мои земляки-верхнетуровцы отдавали жизни за незнакомые города и веси. Недавно я работал над книгой по истории своей «малой родины». В редколлегии областной Книги Памяти изучал документы военных архивов о погибших односельчанах. Наверное, только здесь можно воочию убедиться, что война и смерть не уточняли ни фамилий, ни адресов, ни возраста. Турово в этих документах именуется то

«Дурово», то «Бурово», а то приобретает еще более мудреное, просто невообразимое название. То же с Нижнедевицким районом и даже, казалось бы, всем известной Воронежской областью. Моя фамилия, очень распространенная среди земляков, варьируется от «Нобичкина» до «Ковишхина». Понятное дело: военные писари не были идеальными в смысле точности и каллиграфии. Война есть война. А уж возраст не указывали сплошь и рядом: «Год рождения не известен» — это, кажется, самая распространенная фраза в этих архивных документах. Удивительно ли, что не доходили по адресу «похоронки», что точных данных о погибших и пропавших без вести мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем. Они сложили головы за разбросанные по российской земле Ивановки да Семеновки, Березовки да Прохоровки, за Варшаву, за Прагу, за Будапешт...

Вновь и вновь листаю свои выписки из этих документов.

«Аборнев Митрофан Севостьянович, 1912 г.р. Пропал без вести в январе 1945 г.»

Аборнев Федор Севостьянович, 1905 г.р. Погиб 10 октября 1944 г.»

Кто вы, Митрофан и Федор? Братья? Скорее — да. Кто оплакивал вас, не дождавшись с войны? Мать, жены, дети? А ведь так недалеко оставалось до Победы...

А вот еще:

«...Анохин Григорий Константинович, 1918 г.р. Погиб 18 августа 1944 г.»

Анохин Павел Константинович, год рождения неизвестен. Погиб в октябре 1941 г.»

И еще:

«...Бердников Петр Андреевич, 1915 г.р. Погиб в январе 1945 г.»

Бердников Сергей Андреевич, 1910 г.р. Пропал без вести в марте 1943 года.»

И опять:

«...Воронин Григорий Стефанович, 1911 г.р. Погиб в декабре 1941 г.»

Воронин Николай Стефанович, 1912 г.р. Погиб в мае 1942 г.»

Снова и снова:

«...Гребенищikov Василий Ксенофонович, 1903 г.р. Погиб в августе 1943 г.»

Гребенищikov Егор Ксенофонович, 1914 г.р. Пропал без вести в марте 1943 г.»

Велико горе матери, потерявшей сына. А если их было двое — и оба погибли? Как могло выдержать сердце такую потерю? И выдержало ли? Кто ответит...

«...Борисов Василий Пахомович, 1915 г.р. Погиб в июле 1943 г.»

Борисов Пахом Митрофанович, 1897 г.р. Пропал без вести в марте 1943 г.»

Стала женщина вдовой. Молила Бога: сохрани хоть сына! Нет, не сохранил. Через четыре месяца после гибели отца не стало и сына. Сколько их, таких семей, в которые не вернулись ни отец, ни сын?

«...Семенихин Алексей Владимирович, год рождения неизвестен. Пропал без вести в ноябре 1943 г.»

Семенихин Иван Алексеевич, год рождения неизвестен. Пропал без вести в ноябре 1943 г.»

«Год рождения неизвестен». Почему? Не указали его военные писари, но ведь знают этот год родные. Неужто некому вас даже оплакать, отец и сын, пропавшие без вести? В какой земле покоится ваш прах?

А вот — совсем иные:

«...Анохин Петр Федорович, 1925 г.р. Пропал без вести в октябре 1943 г.

Анохин Семен Федорович, 1925 г.р. Погиб в декабре 1944». (Не близнецами ли вы были, Петр и Семен?)

...Баркалов Сергей Петрович, 1926 г.р. Погиб в апреле 1945 г.

Борисов Михаил Стефанович, 1925 г.р. Погиб в июне 1944 г.

Булгаков Митрофан Ефимович, 1926 г.р. Погиб в марте 1945 г.

Козлов Василий Сергеевич, 1926 г.р. Пропал без вести в марте 1945 г.

Матюхин Владимир Яковлевич, 1925 г.р. Погиб в ноябре 1943 г.

Нечаев Василий Кириллович, 1925 г.р. Погиб в октябре 1943 г.

Новичихин Алексей Митрофанович, 1925 г.р. Погиб в апреле 1944 г.

Новичихин Митрофан Егорович, 1925 г.р. Погиб в июле 1944 г.»

Когда пришел 1941-й, были они пятнадцати-шестнадцатилетними мальчишками. Уходили на фронт, зная, что на многих односельчан уже пришли «похоронки». Они и сами остались там, на войне, — навсегда восемнадцатилетние да девятнадцатилетние...

Гибель товарищей. Сообщения о зверствах фашистов на родной земле. Любая война — бесчеловечна. Как же трудно было не ожесточиться, не потерять человеческие качества, когда она, война, польхала вокруг! Но — и не ожесточились, и не теряли. Вдова моего земляка Героя Советского Союза Максима Шматова, совершившего подвиг при форсировании Дуная, показала мне письма, которые он получал от однополчан. Вот строки одного из тех писем:

«Дорогой мой комбат! Вы меня, может, и не помните, но я Вас помню очень хорошо. В Австрии, незадолго до конца войны, я отстал от роты и дня три догонял вас. Была у меня причина отстать: я влюбился в одну австрийку. А Вы обязаны были докладывать в штаб полка о каждом отставшем. Тогда некоторые солдаты, особенно из побывавших в плену, отставали умышленно. А обо мне Вы в штаб не доложили: видимо, верили мне и знали, что я догоню свою роту. Когда я явился к Вам, Вы сказали: «Я три дня не спал из-за вас, паразитов. А только уснул, как тут же ты мне приснился. Хоть бы что-нибудь хорошее приснилось, а то увидел твою морду». Политрук сказал тогда, что меня надо отдать под суд, судить как дезертира. Но Вы и командир роты Данилов крепко, по-мужски меня отругали, и на этом все кончилось...»

А вот воспоминания другого однополчанина М.В. Шматова, опубликованные в 1977 году журналом «Коммунист»:

«Советские солдаты прошли огромный и трудный путь войны, на котором встретилось им много людского горя. Тысячи солдат нашей дивизии лишились родных и знакомых, друзей и товарищей, имели ранения и контузии. Они были преисполнены ненависти к врагу и его пособникам, но, увидев, какие бедствия терпят беззащитные люди, проявили высокий гуманизм.

В одной из рот третьего стрелкового батальона 305-го стрелкового полка беседу о помощи голодающему мирному населению проводил командир батальона капитан Максим Шматов. Он только что был представлен к званию Героя Советского Союза. Теперь он говорит бойцам:

— *Русский солдат никогда не был жесток. И сейчас мы должны помочь мирному населению Будапешта. За это нас вспомнят добрым словом...*

В роцце, по дороге на Будафок, подразделения нашего полка ночью захватили трехэтажный дом под флагом Красного Креста. В этом доме размещался детский приют. Отступая, фашисты забрали все запасы продовольствия. Дети несколько дней не получали пищи.

С наступлением темноты (днем всякое движение исключалось) в штаб полка пришли командир батальона М. Шматов и его заместитель по политчасти В. Бондаренко. Они предложили помочь детям...

На это предложение откликнулись все. Тут же решили немедленно оградить детей от методичного обстрела вражеской артиллерии.

...Солдаты решили принять на довольствие спасенных детей и получать пищу только после того, как те будут накормлены. А потом в приют регулярно передавались продукты, отчисленные солдатами и офицерами от своего пайка...

Бывший колхозный учетчик из Верхнего Турова Максим Шматов давал Европе уроки доброты и гуманизма.

«Дети, спасенные нами, — писал автор воспоминаний Ф. Шаченко, — стали взрослыми. И мы уверены, что они никогда не забудут тех советских солдат, которые избавили их от голодной смерти и фашистского ига».

Увы, жизнь и время иногда круто меняют судьбы людей и расставляют новые исторические акценты на событиях. К сожалению — не всегда справедливые. Забывается и то, что не должно было забыться. Но ведь, в конце концов, не для славы и почестей творятся добрые дела!

Наше село взрастило двух Героев Советского Союза. Второй — Михаил Данилович Козлов. Воспитанный в сельской семье, рано лишившийся отца, он прошел путь от разнорабочего железной дороги до генерал-майора авиации. «За отвагу и героизм, проявленные в период Великой Отечественной войны», — так говорится в Указе о присвоении ему звания Героя. Помните первый советский телевизионный фильм «Вызываем огонь на себя», в котором Людмила Касаткина блестяще сыграла роль отважной разведчицы Ани Морозовой? В основе этого фильма, как и повести Овидия Горчакова, по которой он поставлен, — реальные события военного времени на Брянщине. Так вот, реальная Аня Морозова вызывала на себя огонь... моего земляка-верхнетуровца. Летчик М.Д. Козлов принимал непосредственное участие в тех событиях, нанося бомбовые удары по Сещинскому аэродрому, на котором базировались авиаэскадрильи 2-го флота Люфтваффе. Налеты на этот аэродром он совершал в августе и в октябре 1942-го, в июне и июле 1943-го. В одном из таких налетов его экипажем было уничтожено свыше 70 самолетов противника. А всего за время войны летчик совершил 207 (!) боевых вылетов. На его счету не только удары по Сеще. В сентябре 1944 года М.Д. Козлов оказывал помощь словацким партизанам, сбрасывая им вооружение и боеприпасы. Наносил удары по военным объектам в Будапеште, Бухаресте, Праге, Варшаве, Франкфурте-на-Одере. Бомбил гитлеровские корабли в Балтийском море. В апреле 1945-го дважды был в небе Берлина.

К сожалению, даже наши дотошные воронежские краеведы, специализирующиеся на военной тематике, не сразу открыли для себя, что М.Д. Козлов — наш земляк. В объемистом томе «Богатыри земли Воро-

нежской», подготовленной журналистами А. Гринько и Г. Улаевым, о нем — ни слова. Одна из причин — удивительная личная скромность Героя Советского Союза. Вот такой, например, факт. Когда Александр Иванович Гринько, работая над вторым изданием книги «Богатыри земли Воронежской», обратился к Михаилу Даниловичу, жившему тогда в Рязани, с просьбой прислать воспоминания о своих подвигах, тот в январе 1968 года направил в ответ скромную, сухую автобиографию. А в письме написал: мол, о подвигах пусть лучше расскажут те, кто рядом со мной воевал.

Да, не для славы были эти подвиги. И вот о чем я думаю. Нет уже в живых ни того, ни другого Героя. Их однополчан тоже осталось — по пальцам пересчитать. А в моем селе нынче немногие знают об этих подвигах. А ведь память должна жить!

Кстати, хорошие примеры есть с кого брать. Совсем рядом с Верхним Туровом были земли хохольского колхоза «Великий Октябрь». Жил здесь прекрасный человек — Николай Григорьевич Пегарьков. Многие годы был колхозным председателем, возглавлял районный Совет ветеранов войны и труда. Сам участник Великой Отечественной. По его инициативе издана первая в России Книга Памяти — о тех земляках Николая Григорьевича, кто не вернулся с полей сражений. И еще одна Книга Памяти появилась — «О тех, кто вернулся с войны». Уникальное издание! А главное — сделано благородное дело. Впрочем, таких дел на счету Пегарькова было немало: чествования солдатских вдов, районные праздники «День фронтовика». Вышла и еще одна книга — о солдатских вдовах. И все это — усилиями одного энтузиаста. Почему бы и в других селах энтузиастам не отыскаться?

...Село было освобождено 29 января 1943 года — в тот самый день, когда полным разгромом противника завершились бои за Касторную, а с ними и Воронежско-Касторненская операция в целом. В феврале возвратились те, кто успел эвакуироваться. Над сожженным селом еще курился дым. В селе — одни женщины, дети, инвалиды. А надо восстанавливать хозяйство. Как? Ведь оставалось всего с десяток коров да три раненых лошади на все большое село. Весною впрягали женщины своих коров в плуги и начали посевные работы. Урожай в том году собрали небольшой. Но не забыли часть зерна сдать в фонд Красной Армии. Ей, армии, старались помочь все. Известна телеграмма И.В. Сталина верхнетуровской комсомолке Лидии Анохиной с благодарностью за помощь фронту. А вот небольшая информация из нижедевицкой районной газеты «Путь колхоза» за 16 декабря 1943 года:

«На собрании 14 декабря коллектив рабочих и служащих Туровской МТС обсудил, как лучше помочь доблестной Красной Армии.

Трактористы и бригады тракторных отрядов, машинисты и комбайнеры решили продать государству излишки заработанного хлеба. Бригадир Федяинов Яков Иванович продает 50 килограммов хлеба, машинист Красов Иосиф Иванович продает 20 килограммов хлеба и 50 килограммов картофеля, бригадир Аборнев Семен Петрович — 30 килограммов хлеба. Продают хлеб государству и другие рабочие».

Какие там «излишки»! Отдавали последнее, отрывая от себя, от своих семей. А колхоз «13-я годовщина Октября», несмотря на низкий урожай, сдал 250 центнеров зерна.

Победу приближал каждый. И победа пришла.

...Сегодня в Верхнем Турове проживают полторы тысячи человек. На полях войны осталось более пятисот — погибших в бою, замученных в плену, умерших от ран, пропавших без вести. Эти цифры — полторы тысячи и пятисот — буквально потрясают. Каждая семья кого-то потеряла — мужа, отца, сына. Продолжали терять и годы спустя. Еще долго то тут, то там взрывались гранаты и снаряды, которыми была напичкана эта земля. Погибали мои сверстники — от детского любопытства до неосмотрительности. Кто их сосчитает?

И это — только в одном селе. Только в одном.

Сколько их, таких сел, на просторах России...